


Роман — победитель литературной национальной премии
«Рукопись года» (номинация «Нонконформизм»)



18+



ИНТЕРБРИГАДА

Г Л Е Б С Т А Ш К О В

Глеб Сташков

Интербригада

Серия «Петербургская сторона»

Текст книги предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/6601816>

Интербригада. Роман: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-091068-7

Аннотация

<p>Роман, победивший в номинации «Нонконформизм» литературной национальной премии «Рукопись года». **</p>**
<p>Гротескная история о журналисте и пиарщике, вынужденном стать доктором Джекилом российской толерантности и мистером Хайдом русского национализма. **</p>** **<p>**Главный герой, защищая свою девушку, совершает убийство. После чего получает редакционное задание разобраться в этом происшествии – и вынужденно ведет журналистское расследование преступления, совершенного им самим. **</p>**
<p>Впрочем, захватывающий сюжет лишь повод поразмышлять о безразличии и о праве сделать свой выбор. Об обстоятельствах, которые могут быть сильнее нас, и о нас, которые могут быть сильнее обстоятельств. **</p>**

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	16
III	20
IV	26
V	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глеб Валерьевич Сташков

Интербригада

Роман

Предуведомление

Весь этот роман – вымысел. Любые совпадения случайны. Националистические речи произносят, пишут и думают только осуждаемые автором отрицательные персонажи, к каковым относятся все герои романа без исключения.

Автор имеет отношение к главному герою лишь в том смысле, в каком Флобер говорил: «Мадам Бовари – это я».

Впрочем, автор честно признается, что не читал Флобера.

Эта книга не обвинение и не исповедь.

И даже не попытка рассказать о поколении, которое погубили кризисы и дефолты, о тех, кто стал их жертвой, даже если спасся от голода и нищеты.

Типа из Ремарка

Он умер сегодня.

Или, может, вчера – не знаю.

Типа из Камю

* * *

– Кажись, кокнулся хачикян, – сказала Настя.

Ее реплика возмутила меня отсутствием гуманизма и политкорректности. Я промолчал, но взглянул на подругу по-новому.

– Ладно, – сказала Настя, – жизнь продолжается.

– У кого как. В принципе, говорю, нет человека, который был бы как остров.

Настя поморщилась:

– Что за фигня?

– Смерть, говорю, каждого человека умаляет и меня.

– Чего делать будем?

– А хрена тут сделаешь?

Мы закурили и вышли под дождь.

Часть первая

I

Если вам не нужны деньги, значит, у вас нет желаний. Видимо, вы при жизни попали в нирвану. Погребальная традиция делает переход в иной мир экономически нерентабельным. Об этом знает любой похоронный агент, который в скорбную минуту раскроет перед вами рекламный проспект с гробиками и катафалками.

Выгоднее поддерживать жизненные силы. Я поддерживаю. К тому же меня не возьмут ни в нирвану, ни в рай. Я журналист, а с моей профессией туда не берут. А я люблю свою профессию. Потому что другой у меня нет.

Но мне нужны деньги.

Полюби – и будешь любимым. Я никогда не любил деньги. Они мне, в сущности, безразличны. Смешно рассчитывать на взаимность.

В принципе, деньги мне не нужны. На еду и выпивку хватает. В Африке живут люди, которым не хватает на еду. В моем дворе живут люди, которым не хватает на выпивку. В Йошкар-Оле я видел людей, которым не хватает ни на еду, ни на выпивку. А мне хватает. Грех жаловаться.

Давно доказано, что деньги лишь форма соперничества

самцов за самок и территорию, вроде величины рогов у оленей или длины полового члена у обитателей городских окраин.

Деньги не влияют на качество жизни и удовлетворение потребностей. Самостоятельного значения они давно не имеют и утратили все другие функции, кроме измерительного прибора для определения координат человека на социальной лестнице.

Зарабатывай все кругом по двадцать долларов – имей свою сотню и чувствуй себя королем. Я зарабатываю больше сотни. К сожалению, «все кругом» еще больше. Хорошо хоть, что я живу не в Москве, а в городе трех революций и двух президентов, где представление о приличных зарплатах гораздо скромнее.

Раньше я увлекался политическим блуднем. Воевал с властью разных уровней и достоинств. Продвигал отдельных представителей политической фауны в депутаты. К счастью, безуспешно. А потом думаю: всё, хватит. Прощай, оружие! Я заключаю сепаратный мир.

Стал жить, как живется. Мира не перевернул и в тот, что есть, не вписался. Сначала хотел перевернуть, потом – вписаться. Потом – снова перевернуть. Поздно. Глупо впрягаться в одну упряжку с теми, кто родился, когда ты впервые познал женщину. Отойди, скажут, дядя, не мешай. И говори нормально:

– Трахнул.

Я, собственно, так и говорю, но сейчас мне нужны деньги.

Месяц назад я встретил Настю. До этого я полгода жил с Леной. Потом она ушла к кому-то из моих друзей. Не помню, к кому именно.

А я встретил Настю.

Стою на пешеходном переходе и думаю, что ни одна авто-сволочь меня не пропустит. Подходит она. С бутылкой «Хол-стен» и дамской сумочкой. Ставит пиво на землю. Говорит: «Ублюдок», – и бьет меня по лицу. Сумочкой.

Больно. Любой, кто носит очки, знает, что больно. К тому же тех, кто носит очки, обычно бьют по лицу без малейшего повода.

Я удивился, а она засмеялась.

– Извините, по-моему, я ошиблась.

– Что вы, – говорю, – я, пожалуй, и вправду ублюдок.

– Вполне возможно, но тот ублюдок вроде был без очков.

Кстати, тебе без очков лучше. Дай зажигалку.

Она взяла зажигалку, открыла пиво и сунула зажигалку в карман. Я лишился зажигалки и душевного равновесия. Хуже того – я приобрел желания.

Настя требовала денег. Машина тоже требует денег. Но машина об этом не говорит. Ты сам догадываешься, или тебе подсказывают в автосервисе. Настя требовала денег либо молча, как машина, либо громко, как женщина. Я предпочитал, когда громко, потому что молчаливое требование денег худшая из пыток, придуманных человечеством в процессе

эволюции.

Она ласково называла меня обсосом. Меня никогда до этого не называли обсосом. Потому что в любой компании всегда находился более достойный кандидат.

Мне с ней тяжело. Она либо триндит без умолку, либо сутками молчит. Я думал, она обижается, и, в свою очередь, обижался, потому что обижаться ей было не на что. Потом вспомнил, что сам часто и подолгу молчу. И обижаюсь, когда на меня за это обижаются. Зачем говорить? Люди всегда раскрывают рот именно в тот момент, когда им нечего сказать.

Мы с ней похожи. Дурной знак. Нельзя любить девушку, похожую на тебя. В себе подобных влюбляются только самодовольные эстеты и педики.

Настя могла бы зарабатывать кучу денег. Грести лопатой, если бы этот инструмент хоть раз побывал в ее ухоженных ручках. Каждый день ей предлагали постоянные, временные и разовые работы. Она отмахивалась с безмятежностью стрекозы и упорством муравья.

– Ты знаешь профессора Плыща? – как-то спросила она.

– Нет.

– Тогда слушай. Профессор Плыщ работал на историческом факультете. Преподавал источниковедение, а по вторникам – вспомогательные исторические дисциплины. Принимал экзамены строго, но справедливо. О принципиальности Плыща ходили легенды. Он никогда не брал денег и даже оплату мобильного телефона принимал неохотно.

В день 68-летия Плыща Наташе попался вопрос «Сфрагистика».

– Кто такая Наташа?

– Неважно. Слушай дальше. Ей попался вопрос «Сфрагистика». Ты знаешь, что такое сфрагистика?

– Да.

– Тогда слушай дальше. Наташе попался вопрос «Сфрагистика». «Смешное название», – подумала Наташа. «Какой ученый изучал новгородские граффити двенадцатого века?» – спросил Плыщ. Наташа молчала. Какой дурак будет изучать граффити, да еще двенадцатого века? «Смелее, девушка», – сказал профессор. Наташа вздрогнула. Дважды. Слегка отсмелее и посильнее от *девушки*. «Известная фамилия, – подсказал Плыщ. – Как у знаменитого певца». Наташа молчала. Она знала много знаменитых певцов, но не могла определить, какой именно. «Высоцкий, – сказал Плыщ и оскалился. – Неужели не знаете такого ученого?» «Нет, – честно сказала Наташа. – Я не знаю такого певца».

Плыщ был, что называется, фраппирован. Впервые в научной карьере он потребовал, причем не денег, а того, о чем мечтал еще студентом-заочником, но забыл получить в научно-исследовательском запале, поскольку запах рукописей в хранилище древних актов перебил запах женщины.

Короче говоря, Наташа согласилась, а Плыщ оказался... как бы сказать... не на высоте. То есть сам-то Плыщ оказался на высоте, а вот отдельные части тела... Может быть, аура ка-

бинета сказала, а может, портреты профессоров – участников Великой Отечественной войны. Инвалиды, герои и прочие льготники укоризненно взирали со стены на зарвавшегося профессора. Плыщ сплоховал.

Весь семестр Плыщ ходил сам не свой. Он думал, что Наташа пожалуется начальству, и его заставят писать докладную. Излагая позорные подробности происшествия.

Но Наташа не стала жаловаться. «Со всяким случается», – подумала Наташа.

История осталась без последствий. Наташа вышла замуж за аспиранта и неоднократно рожала ему детей. Понимаешь?

– Нет.

– Потому что, как говорил поэт, береги честь смолоду.

– Зачем?

– Тогда в старости можно расслабиться.

Я сказал, что история, безусловно, поучительная.

– К тебе она не относится. Ты и так без конца расслабляешься. Кстати, завтра мы идем к Норе Крам.

– Кто такая Нора Крам?

– Любовник Астандила Саломоновича Шрухта.

– Кого?

– Шрухта.

– Любовник?

– Да. Нора Крам – мужчина. Его зовут Марк Арон. Нора Крам – псевдоним. Марк Арон наоборот. Как это называется?

– Это называется *пидор*.

– Нет. Когда слово наоборот – это *палиндром* или как-то так. Не переживай, мы пойдем вместе. Нора Крам не принимает мужчин наедине.

– Боится не сдержаться?

– Типа того.

Мы пришли к Норе Крам вдвоем. Настя распахнула дверь с табличкой «Информагентство „Лунный свет“». Странное название для информагентства.

На рецепшне вместо секретарши обитал молодой смазливый секретарь.

– Как вас представить? – не поднимая глаз, спросил он.

– Представь меня голой и в ванне, – буркнула Настя.

Молодой человек сделал пометку в блокноте. Мы прошли в кабинет.

Нора Крам вытер платком лысину, приснул в рот какой-то мятной гадости и поцеловал Настю в губы. Я предусмотрительно протянул руку. Он не пожал.

– Анастасия сообщила, что вы профессионал.

– Смотря в чем.

Нора не улыбнулся:

– В обеспечении информпотоков.

Я кивнул. Увлеченный рассказом о личной жизни Норы, я забыл поинтересоваться, зачем, собственно, мы к нему идем. Впрочем, это неважно. Если Настя говорила *идем*, мы шли.

– Надеюсь, Анастасия сообщила, что мы продвигаем в ин-

формпространстве освежитель воздуха для гороступов.

– Чего?

– Гороступов, молодой человек, го-ро-сту-пов, – по слогам повторил Нора.

Я посмотрел на Настю. Она нахмурилась, опустила глаза и тихо сказала:

– По горам лазить. Вроде луноходов, только круче.

– Вы новичок? – спросил Нора Крам. – Я не имею нужды в новичках. Информсреда не терпит дилетантов.

Я собрался с мыслями:

– Не имел чести иметь информпрецедентов по освежителям. – И добавил на всякий случай: – Проблему гороступов знаю не понаслышке.

Вышло, по-моему, не ахти, но Нора подобрел и пригласил нас за стол. На столе лежали чертеж и журнал «Техника – молодежи» за восемьдесят третий год, откуда, видимо, идея гороступа и была позаимствована. Идея освежителя – вряд ли. В те годы на подобные буржуазные примочки не мог раскатать губу даже прогрессивный молодежный журнал. Я посмотрел на чертеж и сказал, что мне доводилось видеть более современные гороступы.

– Мне тоже, – зачем-то поддакнула Настя.

Нора Крам вдруг засмеялся. Первый раз, но основательно. Его четыре раза сгибало пополам. Пару раз подбрасывало. И один раз развернуло вокруг оси.

– Насмешили, – выдавил Нора Крам и от удовольствия

попытался хлопнуть меня по плечу, но сдержался и хлопнул Настю.

Настя плюнула в него жвачкой.

– Ценю чувство юмора, – заявил Нора, – однако же к делу. Перед вами схема информпотоков.

Я посмотрел на чертеж. Он напоминал схему Бородинской баталии.

Нора Крам нес уже совершеннейшую околесицу. Из знакомых слов мне встретились *резистентная группа, ребрэндинг и когнитивный диссонанс*, которым Нора ежеминутно пугал потенциального покупателя. Я с трудом представлял себе потенциального покупателя освежителя воздуха для гороступа, о чем сообщил Норе.

– Наша группа – средний класс плюс. Надеюсь, это понятно?

Разумеется, мне понятно. Обсос из среднего минус задумается купить в гороступ освежитель.

Нора достал коньяк и налил в графин. Графин красивый, а коньяк, по моим ощущениям, средний класс ровно. Нору несло. Он захлебывался благородным напитком и возвышенным красноречием:

– Когда я продвигал антипиар дератизации...

– Кто же вам платил, Нора? Крысы?

– Вот именно – крысы! Знали б вы, молодой человек, что это были за крысы! Что это были за крохи!

В речи Норы слышались подозрительные сатирические

интонации. Он изображал одессита, который в кино играет одессита. Мне стало скучно.

Нора не унимался.

– Дурачок, – уже ласково обращался он ко мне, – информационное общество в прошлом. Как остался в прошлом снегоступинг, на смену которому пришел гороступинг. Мы живем в постинформационном обществе. Информация потеряла свою ценность. Ее приходится втюхивать, как втюхивают третий айфон приехавшему на шопинг колхознику.

– Вы когда-нибудь видели колхозника, Нора? – спросил я. – Тем более приехавшего на шопинг за айфонами?

Нора не удостоил меня ответом. Он продолжал тираду:

– В информационном обществе люди готовы были платить за информацию. Через пару лет нам самим придется за нее приплачивать. Нам – менеджерам информпотоков! Схавай, дружок, мою инфу, и я заплачу тебе десять баксов. Так мы будем унижаться. Так мы будем ползать на брюхе перед информационно зажавшейся чернью. А посему, мой мальчик, главная ценность нынче не информация, а каналы ее продвижения. Фишка, которая позволит пробить твою инфу через груды другого информдерьма.

– Мулька, – вставила Настя.

– Правильно, девочка. Мулька.

– Нам, – говорю, – пора.

II

На следующее утро, позавтракав краковской колбасой с пивом и скачав файл «шнеко-роторный вездеход. doc», мы с Настей принялись за работу. С чего-то ей взбрело в голову мне помогать. Ладно, думаю, хуже не будет.

– Нужен слоган, – твердила Настя. – И непременно в стихах.

К обеду ее озарило:

Не доводи себя до трупа,

Вдыхая спертый воздух гороступа.

– Класс! – сказала Настя.

– Ты ку-ку?

Настя обиделась. Она впервые обиделась. Она, видите ли, не девочка для секса, а человек с душой. Она хотела помочь. Она – творческая единица.

Так и сказала – творческая единица.

Я раскрыл рот. Всегда думал, раскрыть рот – это фигура речи. Нет. Бывает и такое.

Закрыв рот, я снова его открыл и сказал, что она ебанутая. Она не обиделась. Она продолжала обижаться за слоган. Он хорош. Настолько хорош, что я завидую.

Я хотел снова сказать, что она ебанутая, но поленился.

– Чем он плох? – Настя почти рыдала.

– Что значит «не доводи себя до трупа»?

– Говорят же: «Посмотри, до чего ты себя довел».

– Кому говорят? Трупу?

– Все можно довести до абсурда.

– И до трупа.

– Ты достал со своими придирками, – задумчиво сказала

Настя.

Да, кстати, совсем забыл. У Насти есть свойство подбирать для каждой фразы совершенно неуместную интонацию. Будто она озвучивает немое кино вслепую.

– Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда, – закричала Настя.

– Твои растут из говна.

Мы помолчали.

Я встал и продекламировал свой вариант:

Покупай тупо

Освежитель для гороступа.

– Почему тупо?

– Ну, типа, тупо взяли две бутылки. Тупо их распили. Ладно, не надо на меня так смотреть. Можно слегка изменить концепцию:

Не купить глупо

Освежитель для гороступа.

– Не купить освежитель для гороступа – очень даже умно. Я ее захотел.

Впервые в жизни я занимался сексом и смеялся. Мужчи-

ны никогда не смеются во время секса. Женщины иногда улыбаются, а мужчины никогда. Видимо, давит груз ответственности. На меня сегодня ничего не давило. Я смог на два раза больше, чем обычно. То есть приблизительно три.

Потом я закурил.

– Тебя это не обижает?

Я спросил просто так. Я бы все рано закурил. Я всегда встаю и курю после секса.

Настя спросила, с чего она должна обижаться. Я сказал, что все остальные обижаются.

– Курить после секса – вполне естественно, – сказала Настя. – Надо придумать ролик. Чувак выходит из гороступа на вершине горы. Прыскает освежителем.

Я поинтересовался, зачем освежать воздух на вершине горы. Туда специально лазают, чтобы подышать чистым воздухом. Меня положительно пробило на логику.

– Какая разница? – возмутилась Настя. – Он прыскает – и чего-нибудь происходит. Например, к нему взбегает девушка.

– Взбегает? На вершину горы? Нахрена тогда гороступ, если на эту горку можно легко, как ты выражаешься, взбежать?

– Болван. Мы рекламируем не гороступы, а освежитель. Пусть она не взбегает. Пусть летит на крыльях любви.

– Конечно. Если нет гороступа, остаются только крылья любви.

– А чуваку похрен. Он же на вершине. И крупно – Сизиф.

– Почему Сизиф?

– Так называется этот долбаный освежитель.

Я вспомнил, что Нора угощал нас коньяком с этикеткой Samus. С меня хватит. Я набрал номер:

– Нора, вы уверены, что гороступ – тема?

– Неважно, мальчик. Жизнь лотерея, а не спорт. Лучше девять раз попасть в молоко и один раз в десятку, чем все время выбивать шестерки-семерки. Хватайте удачу за хвост.

Удача, как и деньги, не моя стихия. Нора пальнул в молоко. Он позвонил через четыре дня:

– Освежителям отказано в бюджетном финансировании.

– А гороступам?

– Гороступам тем более. Проект временно закрывается.

– Вы мудозвон, Нора. Старый гнойный пидор.

Трубка пищала короткими гудками.

– Я так и знала, – сказала Настя и совсем не к месту добавила: – Теперь твоя судьба в твоих руках.

И ушла. Я надеялся, навсегда.

III

Несколько дней я писал тексты для газет, журналов и сайтов. О понижении цен на гречку и повышении цен на энергоносители, об отставках в Минрегионе и назначениях в Минобороны, о фанатах «Зенита» и парагвайском диктаторе Хосе Гаспаре Родригесе де Франсия. Потом темы исчерпались.

Я открыл жестяную банку и обнаружил, что кофе осталось не больше чайной ложечки. До зарплаты – неделя. Я пошел к ноутбуку и проверил почту. Новых писем нет. Никто не пишет. Новых денег тоже не предвидится. И что я буду есть всю эту неделю? Дерьмо.

Неожиданно на карточку пришли какие-то гроши, а в Эрмитаже устроили выставку Эдгара Дега. Изнывая от скуки, я послал Насте эсэмэску: «Давайте с вами сходим на Дега. Билет недорого, а время до фига».

Настя ответила: «Время нет». В эпоху Дега женщины тоже были страшно занятыми. Они позировали ему впопыхах и в каких-то странных позах – скорчившись в тазу или вытирая жопу полотенцем. Мне кажется, Дега не любил женщин. А я не люблю женщин, которые не любят Дега. Пусть лучше вытирают жопу полотенцем.

Настя прислала новую эсэмэску. «Время есть». Мы встретились и до Дега, конечно, не дошли. Надеюсь, он не обиделся. Мы дошли до «Пальмиры». Сколько раз я приглашал

девушек в Эрмитаж – и всегда попадал в «Пальмиру»:

– Настя, я написал стихотворение.

Платят за талантлик

Сущие гроши.

Может, я романтик

В глубине души?

Смешно?

– Нет.

Я пил коньяк, она пила пиво, а потом тоже коньяк.

– Посмотри на себя, – сказала Настя, пьянея. – Как ты живешь?

– Как неприкаянный?

– Типа того.

– То, что я делаю, никому не нужно.

– Делай то, что кому-нибудь нужно.

– Тогда я займу место в двадцать пятом ряду.

– А сейчас ты в каком?

– В пятьсот сорок шестом.

– Это лучше?

– Не так унижительно. Я сам выбрал, а не кто-то меня поставил.

– Идеология лишних людей. Позапрошлый век.

– Тогда лишние люди изнывали от скуки, глядя по сторонам в лорнет и отпуская шуточками по-французски. А я кручусь, как сука. И по-французски, кстати, не знаю.

– Напиши роман.

Я сослался на отсутствие таланта. Надеялся на опровержение. Я был уверен, что последует опровержение.

– А у других есть? – спросила Настя.

Не надо было отвечать. С этого все и началось. Я разболтался. Литература, мол, лжива по своей природе. Или ущербна. Что потрясает людей? То, что они пережили, а за них пережитое кто-то описал. Тогда классно. Тогда писатель отобразил чувства и мысли поколения. Эк ведь – прямо как я, восхищается читатель. А напиши я, что человек был с женщиной два раза, потом она ушла к другому, а он не может жить, и его четыре года ничего не интересует, – скажут: так не бывает! Три года – еще куда ни шло, но четыре...

Читатель судит по себе. Чтобы он восторженно воспринял, его убогие страсти и надо изображать. Или – еще хуже – мечты: прославиться и заработать кучу денег. Или просто заработать кучу денег. И нужно не просто изображать, нужно самому быть таким, иначе получится неестественно и натужно. Но если у человека такие страсти – что он может написать? А если он не такой, как все, но не герой, а просто чувствует острее – то есть, по сути, такой, какой только и может быть интересен, – кто будет читать о его переживаниях? Кто поймет, а главное – поверит? Если ты гений (прости господи, я и такую пошлятину говорил), если ты гений, так и понять тебя невозможно.

– Ты не гений. Напиши интересно.

– Зачем? Булгаковский Мастер был счастливым человеком. Он написал роман про Понтия Пилата, и над темой посмеялся Воланд. Теперь над ним поржала бы редакторша в издательстве.

– А ты не пиши про Понтия Пилата.

– Плевать я на них хотел, – не знаю, на кого именно я хотел тогда плевать, но плюнуть в кого-нибудь очень хотелось. Вот и она лезет со всем этим фуфлом. Хочет сделать из меня знаменитость. – Я люблю свободу. А сейчас у меня ее нет.

– Что же мешает?

– Ты.

– Боишься меня потерять?

Я промолчал и достал сигарету.

– Хочешь быть самим собой?

Мы никогда раньше не разговаривали с Настей так. Я вообще ни с кем раньше не разговаривал так. Я вообще не уверен, что так разговаривают. Но все-таки ответил:

– Не хочу. Страшно... вдруг под этой шелухой ничего нет...

Она взяла меня за руку и вытащила на улицу. Мы свернули в подворотню. Я заметил двоих куривших кавказцев. Четыре хищных глаза.

Мы поднялись на чердак по темной узкой лестнице. Настя прижалась ко мне, и я почувствовал копошение в районе ширинки. Давай, думаю, не отставай. Редкостный ублюдок надоумил девушек надевать джинсы так, чтобы они ви-

сели ниже трусиков. Начинаешь сразу снимать трусики, нарушая предусмотренную природой последовательность. Ничего, кое-как справился.

Мой тонкий нюх распутывал узел из испарений и вони. Я различал терпкий запах гнилого дерева, едкий запах мочи, резкий запах кала, сладкий запах анаши и аромат Настинных духов «Джей Би Гренуй». Я выпивал эти запахи, стараясь оставить в памяти. Я готов был кончить, когда за спиной раздался смешок. Кавказец. Один из тех, кого я видел в подворотне.

Не знаю, что привело его на чердак – запах женщины или запах гашиша, испускаемый пластиковой бутылкой «Спрайт». Это Настя смастерила. Еще до того, как мы начали раздеваться. Я предпочитаю анашу.

– Поделись девушкой, дорогой.

Я ударил, не задумываясь. Тяжело бить со спущенными штанами. Удар пришелся в никуда. Зато я отлетел к стенке. Тяжело дыша, поднялся и бросился на распалившегося горца. Он вцепился в Настю. Я вцепился в него. Она отпихнула ублюдка, да и я чего-то сделал.

Послышался то ли удар, то ли хруст.

Мы стояли и смотрели.

Он лежал на грязном чердачном полу. Из башки текла кровь. Вернее, не текла. Просто под башкой образовалась бордовая лужица.

Я застегнул штаны.

– Кажись, кокнулся хачикян, – сказала Настя...

IV

Мы не чувствовали ни раскаяния, ни угрызений совести. Разве что Настя несколько раз вздрагивала во сне. И за завтраком не было аппетита.

Настя поджарила яичницу, но не притронулась к ней. Я поковырял вилкой и ограничился кофе. Угрюмое молчание висело над кухней.

От нечего делать Настя стала расставлять посуду в шкафу. Наткнулась на мою старую фотографию. Черт знает что она там делала. Вообще-то у меня фотофобия. Никогда не фотографируюсь. Наверное, потому, что на школьных фотографиях всегда выглядел придурком. То сижу враскоряку, то волосы торчат дыбом, а в самом лучшем случае криво повязан пионерский галстук.

– Что это за фотка? – спросила Настя. – Почему такая грязная? Ты на ней урод.

– Это портрет. Как у Дориана Грея.

– Не всосала.

– Она говняется, а я не старею.

– Чего делать будем? – спросила Настя. Уже во второй раз.

– Надо бы... как это называется... лечь на дно. Посидеть дома недельку.

Она кивнула. Я, конечно, прав, но вчера мы пропили последние деньги. Нужно что-то есть. А в нашей ситуации же-

лательно еще и пить.

Как мне надоели эти деньги. Кто их только придумал? Лидийцы какие-то. Но делать нечего. Придется идти в редакцию. В конце концов, я там работаю.

В бухгалтерии мне заплатили. Уже хорошо. Мне бы сразу домой, но я зашел пообщаться.

На душе повеселело.

Редакция у нас хорошая. Как-то я написал про нее стихи:

Сидит редактор. Хмурый.
Напротив две секретарши-дуры,
Политаналитик – рупор прогресса,
Спецы по культуре,
По архитектуре
И бывшая поэтесса,
Бездельник колумнист,
Собиратель слухов,
Бумаги чистый лист,
В остальном – глухо.
Редактору все равно
(Много печали в знании),
Бейся не бейся, давно
Не идет издание.
Хоть кури, хоть ори.
Пришла полоса признания.
Прошла полоса признания
Недели через три
После создания.

Стихи успеха не имели.

Сегодня я увидел только черные квадраты мониторов. А в дальнем углу – Гаврилу Пожрацкого, который что-то строил в блокноте.

Гаврила Пожрацкий – молодой человек пятидесяти двух лет, с длинными волосами и короткими жирными ножками. Говорит безостановочно. Ему бы на радио, да дикция подкачала.

– Привет, – говорю.

– Здорово-здорово. Не поверишь, брат, когда пишу, верю каждому своему слову. Назавтра могу написать прямо противоположное – и тоже буду верить.

– Меня всегда возмущало твое легкомыслие. Есть в нем что-то женское.

– Ерунда. Просто сильный эмоциональный заряд. Можем же мы любить бабу, потом ненавидеть, а потом любить и ненавидеть одновременно. А баба, заметь, все та же.

Я совершил ошибку. Нельзя было упоминать о бабах при Пожрацком. В комнате повешенного о веревке не говорят. Повешенные не терпят дилетантских рассуждений о веревках. Пожрацкого понесло на куннилингусы, а с этой темы существовал только один поворот – на минеты.

– Не делай, – говорю, – из пизды культа.

Пожрацкий великодушно усмехнулся. И тут мне попался редактор. Он замечательный, но не сегодня. Сегодня он со-

всем ни к чему.

– Ну здравствуй, – говорит редактор, – давненько тебя не было.

Действительно давненько. Дней десять.

– Слышал, в главной конторе холдинга тебя хотят уволить. Не совсем уволить, а перевести во внештат.

Неправильно, думаю. На одних гонорарах, пожалуй, ноги протянешь. Да еще Настя...

– Саня, – говорю, – готов выполнить любое задание. Вот прямо сейчас.

– Отлично, – говорит редактор. – Вчера какого-то кавказца замочили.

– На чердаке?

Боже мой, что я несу...

– А ты откуда знаешь?

Я откашлялся. Сказал, что ничего не знаю, просто читал в интернете.

– Значит, уже вывесили. Тем более. Дуй туда и разузнай, что к чему. Напишешь репортаж. Глядишь, может, в конторе и передумают. Они криминал любят.

Моя гортань издавала какие-то звуки, для передачи которых нет букв в русском алфавите. Сердце стучало в районе живота, а живот разместился в районе сердца.

– Что с тобой? С бадуна, что ли?

С бадуна! Конечно, с бадуна! Сколько раз с бадуна я ссылался на простуду. А сегодня я с бадуна. Безусловно. Со всех

бадунов на свете. Да хоть в наркотической ломке.

– Я не могу, Саня.

Голос, старик, контролируй голос. Не выдавай себя, этого еще не хватало.

– Давай, – говорит редактор, – без разговоров.

Иду к Пожрацкому.

– Классная тема. На чердаке завалили кавказца. Скинхеды и всё такое – по твоей части.

Пожрацкий, идиот, смеется. Ему, видишь ли, смешно.

– Нет, кавказцы меня не интересуют. Вот кавказочки – другое дело. Имел я одну черкешенку, я тебе скажу, марципан. А познакомились – хохма. Не поверишь, брат, подхожу, спрашиваю: «Девушка, что-то мне ваше лицо знакомо. Вы мне минета не делали?» И, не поверишь, прокатило.

– Бывает, – говорю.

Выпить. Позвонить Насте. Нет. Наоборот. Не звонить Насте. Но выпить.

Сказано – сделано. Сто пятьдесят коньяку – и отпустило. Да и шалман хороший подвернулся – «У Ахмета». Очень кстати. А чего, думаю, даже забавно.

Я отправился на задание. Много ли журналистов получают такие задания? Тебе, брат, несказанно повезло. Забавно, ничего не скажешь.

V

Захожу в подворотню. Ту самую. Екает сердце? Нет, нормально с сердцем. После коньяка – абсолютно нормально.

Менты шустрят, народ какой-то. Не люблю ментов. Они, как говно, – тоже из внутренних органов.

Вижу Натаху из «Нева-инфо». Дурочка из молодых, да ранних. Ноги длинные – начинаются на земле, а заканчиваются за облаками. Скоро в редакторы выбьется. С такими ногами на рядовых должностях не задерживаются. Всем хороша Натаха, только трещит почище Пожрацкого.

– Короче, посылают меня сюда. Нормально, да? Типа больше некого, что ли? Я, короче, ни ухом ни рылом. Вон, короче, следователь, а труп вынесли.

У каждого поколения свои слова-паразиты. Раньше говорили – *это самоеи так сказать*. Хотели наши старшие братья чего-то сказать, да не знали, что именно. Я говорю – *как бы*. Постмодерн. Всё – как бы, всё – понарошку. Как бы добро, а как бы и зло. Как бы сам придумал, а как бы и процитировал.

С нынешними проще. Они говорят – *короче*. Сами себя подстегивают, хотят уложить речь в 140 символов. У большинства получается, причем без труда. Некогда единое поколение дворников и сторожей разошлось по полюсам, превратившись в поколение Твиттера и бомжей.

Потолкался минут пятнадцать, иду к следователю, представляюсь. Ничего он, конечно, не скажет, им не положено. Следак меня уже послать собрался, вдруг подходит какой-то баклан и передает ему что-то в пакетике. Смотрю – пуговица. Смотрю – моя. Или не моя. Таких коричневых пуговиц – что грязи.

Машинально опустил голову. Гляжу на куртку. На месте второй пуговицы пучком торчат серые ниточки. Одна длиннее других. Почему-то запомнилось. Смотрю на следака, а он – мне на грудь.

– Жженный, – представился следователь, – Петр Пафнутьич.

Обычный мужик. Пониже среднего роста, упитанный, курносый, с большой круглой головой. Правда, глаза странные. Вроде бы водянистые, но так и сверлят.

– Вас интересуют подробности?

Стою, ничего не отвечаю, тереблю ниточки. Ну полный идиот.

Жженный изложил подробности. Я не слушал. К чему мне подробности? Я их и сам знаю. Тут дело в другом – с чего он перед журналистом распинается? Уже заподозрил? Замечательно. Прилетела бабочка на огонек.

Присмотрелся повнимательней. Он мне как будто подмигивает. Или всегда так моргает?

Вдруг слышу:

– С пальца убитого снято кольцо.

Какое еще кольцо? Кто его мог снять? Не я – это точно. Тогда кто? Вот тут-то сердце и екнуло. Или коньяк отпустил.

Нет, не может быть. Даже подумать о таком страшно. Да и когда? Мы же все время стояли рядом.

– Вы меня слушаете? – спрашивает Жженный.

Я тряхнул головой, будто спросонья.

– Да, конечно. Думаю, скинхеды.

Точно – подмигивает. И усмехается. На редкость мерзко – одними губами.

– Не похоже на скинхедов. Они предпочитают на улице, чтобы прилюдно. В назидание, так сказать, и устрашение. И не могли они его на чердак силой затащить – были бы следы побоев, а их нет. Не по своей же воле он на чердак со скинхедами отправился. Бутылочку из-под спрайта с прожженной дыркой опять же не забудьте.

– При чем здесь спрайт?

– Неужто не знаете? С помощью таких бутылочек, мил-человек, гашиш курят. А скинхеды, насколько мне известно, наркотиками не балуются, у них другие интересы. Это я, между прочим, из вашей же статьи почерпнул. Месячной давности.

– Из моей? – рассеянно спросил я. – Может, этот гашиш месяц назад и курили. Мало ли кто по чердакам ошивается.

– Месяц назад, мил-человек, никак не получается. На бутылочке-то дата изготовления стоит.

Что за речь? Совсем не следаковская. Какой-то чиновник

позапрошлого века. Вроде он поначалу со мной нормально разговаривал. С какого момента начал паясничать? Теперь уж не вспомнить.

Жженный разболтался не на шутку:

– Не понимаю я вас, хоть убейте. Что значит – мало ли кто по чердакам ошивается? Вы вот, скажем, часто на чердаки лазаете? Часто у вас бывает, что взяли гашиш – и на чердак?

Я сказал, что не курю гашиш.

– А по чердакам? – спросил Жженный как-то уж слишком серьезно. Да так и впился в меня своими глазенками.

Я отвел взгляд. С трудом просипел:

– В детстве. Бывало.

Натужно рассмеялся. Тоже, полагаю, мерзко – одними губами.

Бери себя в руки, старик, ты сыпешься, как песок. Я не успел додумать, откуда именно должен сыпаться похожий на меня песок. В голову пришла мысль, как повернуть разговор в более спокойное русло. А еще лучше – свернуть его к чертовой матери.

– Мне кажется, Петр Пафнутьич, это я должен задавать вам вопросы. По долгу службы.

Жженный продолжал сверлить меня взглядом. Он больше не подмигивал и не усмехался.

– Служба у нас, мил-человек, разная, но обоим приходится вопросы задавать. Впрочем, не смею вас задерживать. До скорой встречи.

С чего это она будет скорой? Вовсе я не желаю с тобой встречаться. Сто лет бы тебя, сука, не видеть.

Год не пей, два не пей, а сегодня сам Бог велел. Я вернулся к «Ахмету». Забился за столик в углу. Пока меня не было, гадюшник оживился.

Какой-то кавказец читал крашеной блондинке Пушкина. Девушка в мини-юбке, не прикрывающей трусов, танцевала лезгинку под Леди Гагу. Человек со шрамом на щеке кричал в мобильник:

– Ну и че?

Помолчит десять секунд, крикнет «Ну и че?», снова помолчит, снова крикнет. Ровно через десять секунд. Как по часам. Очень успокаивает.

Я задумался. Отчего-то вспомнилось детство. Третий класс. Мы обсуждали на собрании, кто достоин стать пионером. То есть присоединиться к строительству коммунизма на более высоком уровне, чем октябрятский. Обсуждали моего приятеля Балдеева.

Не помню, что мне ударило в голову, но я встал и заявил:
– Балдеев не может быть пионером. Он играет в марки.

Игра в марки была в то время нашим любимым развлечением. Кладешь марки на пол и бьешь по ним ладошкой. Если они перевернулись картинкой вверх – твои. Так – радостным шагом, с песней веселой – мы дружно шагали за комсомолом, который играл в трясучку. На десяти-, пятнадцати- и даже двадцатикопеечные монеты.

Игра в марки, равно как и трясучка, находилась под запретом. Учителя наивно полагали, что ее придумали в буржуазных странах дети капиталистов, обуреваемые жадной наживы. Конфискованные марки и монеты учителя забирали себе. Поэтому игра велась в мужском туалете. Туда из старшего поколения мог зайти только трудовик. Потому что у физкультурников был свой туалет, а учителя женского пола доступа сюда не имели.

Мой приятель Балдеев слегка, прошу прощения за каламбур, прибалдел и парировал:

– Я, конечно, играю в марки. Не отрицаю. Но я играю в марки с ним.

И презрительно ткнул в меня пальцем. В итоге нас обоих не приняли в пионеры ни в первый, ни во второй заход. Мы, как лохи, до четвертого класса ходили с октябрятской звездочкой вместо пионерского значка. Это как сегодня ходить с пейджером вместо айфона.

А я тогда хотел стать командиром отряда. До этого, в первом классе, я хотел стать командиром звездочки, но обломался. Меня забаллотировали. Разумеется, обломался и на этот раз. Командиром отряда выбрали девочку, которая не могла играть в марки в мужском туалете. Нас с Балдеевым поставили на унизительно низкие номенклатурные должности цветовода и политинформатора. В цветоводах я ходил до седьмого класса, когда меня уже отовсюду поперли.

К чему вспомнилось? Понятно, к чему. Вылез тогда и сам

на себя наступал. И ведь с тех пор, как Илья Муромец, тридцать лет сидел и не выделялся. И вот нате вам – влип. По собственной инициативе. А может, и не влип.

Я набрал редактора. Сказал, что ничего интересного не узнал.

– Не скромничай, – засмеялся редактор. – Мне звонил следователь.

Я заглотив коньяк вместе с куском лимона.

– Жженый? Зачем?

– Хвалил тебя. Сказал, впервые встретил такого профессионала. Обо всем, говорит, ты его расспросил, все выведал, грамотно и по делу.

– Ты его знаешь?

– Впервые слышал.

– А больше он тебе ничего не сказал?

– Сказал.

Пауза. Загадочная интонация редактора мне совсем не понравилась. Я жестом показал официанту, что коньяк нужно повторить.

– Сказал, что это дело надо распиарить. И чтобы этим обязательно занялся ты.

– Нечего там пиарить. Банальная мокруха.

– Хватит! Тебе лишь бы ничего не делать. Ты, между прочим, пока еще в штате. Будешь пиарить.

Предвкушая грядущий успех, редактор резко подобрел:

– Давненько у нас ничего резонансного не было. Завтра

жду текст. Большой текст, на разворот. Можно с пафосом. Пожалуй, даже лучше с пафосом.

– Какой текст? С каким пафосом? О чем?

– Не мне тебя учить, – смиренно заявил редактор и отключился.

Ладно. Пиарить так пиарить. Я допил коньяк и вышел на улицу.

Поймал машину. Что-то у меня с нервами. Померещилось, что за рулем тот самый, с чердака. И правда похож как две капли.

– Куда едем?

И голос – один в один.

– В Купчино.

– Пятьсот.

– Триста.

– Четыреста – и с ветерком.

Я сел.

– А где это, Купчино?

– Поехали, – говорю, – покажу. Только выруби свои национальные мелодии. Голова болит.

Я не националист, ни в коем случае, но как-то их в последние дни много стало. На меня одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.